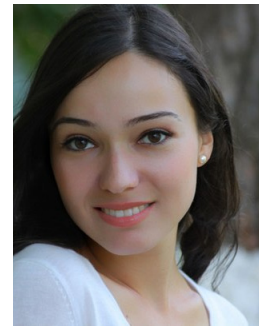

ХАРАЕВА Ляна Фузельевна
соискатель кафедры русской и зарубежной литератур
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

Lyana F. KHARAEVA
Competitor for Candidate Degree,
Department of Russian and Foreign Literatures
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
kuashevalf@mail.ru

Гендерная деконструкция образа Бэлы в женской литературе Северного Кавказа

Автор статьи на материале повести М. Ю. Лермонтова и рассказа Д. Дамиан рассматривает феномен деконструктивистского прочтения и переосмысления классического «маскулинного» текста с гендерной точки зрения. Как показывает автор, «новая» Бэла символизирует общечеловеческий прогресс и эмансипированную личность.

Ключевые слова: литература, гендер, деконструкция текста, компаративистика, М. Ю. Лермонтов, Д. Дамиан, женский образ, трансформация личности.

Gender Deconstruction of the Image of Bela in the Women's Literature of North Caucasus

The author of the article on the material of the novel by Mikhail Lermontov and the story by D. Damian considers the phenomenon of deconstructive reading and rethinking the classic «masculine» text from the feminine point of view. As the author shows «new» Bela symbolizes universal progress and emancipated personality.

Keywords: literature, gender, deconstruction of the text, comparative studies, Mikhail Lermontov, Dina Damian, female image, transformation of personality.

В гендерных штудиях последних лет замечен интересный опыт художественной деконструкции «маскулинных текстов» с их однозначной мужской оценкой мира и места женщины в нем. В данной статье мы рассмотрим «вторую жизнь» повести М. Ю. Лермонтова «Бэла», которая стала «текстом-предшественником» для рассказа Дины Дамиан (псевдоним Мдины Тлостановой) «Экскурсия» из ее романа «В вашем мире я прохожий». В комментарии к рассказу сама Д. Дамиан приводит один из таких примеров, связанный с романом карибской писательницы Джоан Риз «Широкое Саргассово море», где полностью заново переписывается хрестоматийное произведение Ш. Бронте «Джейн Эйр». Суть «деконструкции» заключается в том, что «безумная» жена мистера Роче-

стера обретает свой собственный голос в романе и излагает свою «женскую» точку зрения на драматические события прошлого.

Главной духовной учительницей писательниц-деконструктивисток является Элизабет Шоре – доктор наук, профессор, специалист по гендерным исследованиям в области славистики, которая своим трудами стимулирует феминистское, деконструктивистское прочтение художественных текстов с постановкой гендерно ориентированных вопросов. В частности, в одной из своих работ она обращает внимание читателей на «прославление в литературе умершей женщины, женского мертвого тела» [5].

В этом смысле под особым «прицелом» находятся произведения М.Ю. Лермонтова, к

которому писатели северокавказского региона испытывают родственные чувства. В 2014 г. в Краснодаре вышел двухтомник статей с примечательным названием «Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа», где автор предисловия И. И. Горлова справедливо отмечает, что «муза Лермонтова неразрывно связана с созданием национальных культур, литературы большинства народов Кавказа» [1, с. 9–14].

Образ черкешенки Бэлы всегда привлекал пристальное внимание кавказских женщин, каждая из которых методом проективной идентификации «прочитывала» ее драматическую женскую судьбу, соизмеряла себя с ней, вступала с ней во внутреннюю дискуссию, спорила с ней или, наоборот, поддерживала ее позицию. В этом отношении большой интерес вызывает лирический цикл «Монологи Бэлы», созданный балкарской поэтессой Т. Зумакуловой, которую можно назвать первым «гендерным деконструктивистом». На самом деле, за 34 года до появления знаменитых литературных «трикстеров» Дины Дамиан, Зумакулова вопреки законам адата, «развязала язык» Бэле, дала ей право высказаться, артикулировать свою «женскую» точку зрения. В первых монологах зумакуловская Бэла пытается вступить в «конструктивный диалог» с Печориным, открыто признается ему в любви, задает ему вопросы, пытаясь пробудить отсутствующее в нем чувство ответственности за ту, которую он «приручил». Наибольшей «гендерной отвагой» отличается последний монолог Бэлы, обращенный к суровым соплеменникам:

Земляки!.. Я ухожу в печали,
Что вокруг звучит чужая речь...
Что ж, браните Бэлу, аульчане,
Что не удалось ей честь сберечь!

Все упреки ваши я приемлю...
Знает лишь всеведущий Аллах,
Как мне больно, что в чужую землю,
Неоплаканный, мой ляжет прах!

Все же злым наветам вы не верьте!
Будь ко мне добрее, мой народ!
Ведь случиться может, после смерти
Имя Бэлы долго не умрет!

Имя той, кого сразила пуля,
В гениальной книге будет жить,
И тогда в родном моем ауле
Оправдают Бэлу, может быть...

[3, с. 189].

Еще один опыт прочтения и истолкования образа Бэлы «кавказской женщиной» мы видим в статье Е. А. Куянцевой «Бэла. Этногендерный портрет». В результате системных и последовательных сопоставлений сводов горского этического кодекса с психологическим обликом Бэлы, автору удалось доказать, что «в целом женское мировидение Бэлы вполне традиционно для кавказского менталитета», но «иногда социальная модель поведения Бэлы выходит за рамки этногендерного стереотипа» [4, с. 266]. С точки зрения этногендера небезынтересны также литературные параллели между пушкинской Татьяной и лермонтовской Бэлой [4, с. 263], в целом подтверждающие мысль гендерологов о том, что мужчины-авторы в своих произведениях отражают полоролевые стереотипы патриархального российского (или кавказского общества) с намеками в подтексте на необходимость их прогрессивных пересмотров.

Настоящую «гендерную революцию» в своих взглядах на лермонтовскую Бэлу совершает Дина – героиня рассказа Д. Дамиан. Для уроженки Кабардино-Балкарии поездка к лермонтовским листам в Пятигорске одновременно становится путешествием вглубь российской истории и истории восточной женщины. Пока дети в экскурсионном автобусе развлекаются в дороге, Дина предаётся размышлениям о том, что в большинстве «мужских» произведений «героини бессловесны» или «демонически неукротимы», но «мы не слышим их настоящего голоса, а только лишь передачу их слов в косвенной речи автором» [2, с. 52]. Дальше, вступив в своеобразную литературную игру с Лермонтовым, Дина начинает восстанавливать пропущенные «женские» страницы произведения. На глазах у читателя оживают «закрытые», «темные страницы», скрытые от посторонних глаз. Технически все сработано грамотно, по принципу «расскрещенного женского дневника», содержание которого сравнивается со сдержанно-скупым

текстом Лермонтова-мужчины. Возникает тип письма с двойной оптикой: выделенный курсивом лаконичный текст принадлежит перу Лермонтова, идущий же следом «распахнутый женский текст» (набранный обычным шрифтом) пишется от имени «Дины-корректора». Для наглядности приведем пример:

Лермонтов: «Не знаю, как дело сладили, только поперек седла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой...» – произнес Максим Максимыч и замолчал [2, с. 52].

Дина Дамиан: «В тот роковой вечер Бэла читала книжку, в которой говорилось о дальних странах, разглядывала карты и гравюры с изображением дальних мест. Особенно ей нравилась одна, на которой по бурному морю плыл прекрасный корабль с белыми парусами. Она представляла себя стоящей на палубе и глядящей вдаль. Но в этот момент кто-то схватил ее сзади и повалил на пол, зажав рот рукой. Бэла успела заметить, что это был ее младший братец Азамат. От неожиданности она растерялась, хотя обычно спуску ему не давала. Затолкав ей в рот какую-то тряпку, он связал Бэле руки и ноги толстой веревкой, а на голову накинул покрывало. Содранная кожа на запястьях и лодыжка саднила, дышать было трудно. Бэла все старалась вырваться и не могла понять, что это на него нашло. А маленький, щуплый и слабый Азамат с трудом волок куда-то старшую сестру по земле. Наконец, она почувствовала, что он пытается затащить ее на коня. Бэле было больно, она отчаянно сопротивлялась, но брат так туго затянул у нее на шее покрывало, что она почти задохнулась. Бэла все гадала, для кого ее украл братишка. Наверное, для Казбича. Он давно сватался, да ведь был беден, незнатного рода, и отец за него не отдал бы ни за что. Ехали, к счастью, недолго, но перекинутая через седло, бедняжка очень страдала. Ее трясло и укачивало. Вся кровь прилила к голове и Бэла боялась, что вот-вот у нее носом пойдет кровь, а голова лопнет. Потом лошадь остановилась и она поняла, что уехали недалеко. Послышался лязг отворяемой двери и Азамат стал стаскивать ее вниз. Бэла очень удивилась, услышав голоса, говорившие по-русски. Потом чадра, наконец, сползла и она увидела квадратный

двор крепости. К ней шагнул какой-то человек в военной форме и стал что-то говорить, но перед глазами все плыло, а в ушах звенело. После она лишилась чувств и пришла в себя не скоро» [2, с. 52–53].

Работу, проведенную Диной, можно сравнить с работой археолога, который по полурассыпавшимся фрагментам восстанавливает подлинную картину древнего артефакта, или работой сурдолога, который по бессловесному шевелению губ воспроизводит живой текст глухонемого человека.

Трагическая судьба лермонтовской Бэлы после ее исповедальных рассказов (с помощью Д. Дамиан) кажется еще более трагической, потому что «она была лишь игрушкой, не барышней, но дикаркой, из тех, с кем можно развлекаться, пока ты служишь на Кавказе» [2, с. 58]. Здесь же в доказательство приводится отрывок из письма «Жоржа Печора» своему другу А. Столыпину (по кличке «Конго»): «Думаю, это развлечет меня еще дней десять, а там придется искать новых утех, чтобы позабавить мое увядающее тело. Подамся в Тифлис, грузинки, говорят, тоже горячи! А моя нынешняя пассия, она для дикарки даже очень не дурна, просто горная серна. И такая беленькая, недаром зовут Бэлой! Точеный носик, огромные черные глазищи, только ножки кривоваты, ну да они все здесь такие, воистину» [2, с. 61].

В приведенном письме важную изобразительно-выразительную роль выполняет прием оксюморона, где Печорин в один ряд своих трофеев-приобретений на Кавказе ставит «Бэлу» и «прекрасный кинжал кубачинской работы в ножнах», «персидский ковер», «бутылочку кахетинского и ласки прекрасной дикарки» [2, с. 61]. Совершенным кощунством, (отсутствующим в подлиннике Лермонтова) является эпизод, где Печорин заставляет Бэлу танцевать, зная, что у нее в этот день умер отец» [2, с. 65].

Высшим смыслом «литературных экзерсисов» Дины становится вывод о том, что «Бэла, она не погибла тогда, нет» [2, с. 69]. Дина Дамиан, с осмысленной феминистической позиции, оспаривает сложившуюся в мировой литературе «нехорошую традицию» убивать женщин-героинь в финале произведений и

фактически «реанимирует» Бэлу. Естественно, после восстановления «реальной истории Бэлы» альтернативная концовка повести кажется художественно мотивированной и логически безупречной.

Финал лермонтовской «Бэлы» в редакции Дины завершается своеобразной «кровной мстью» героини своему обидчику. Сравнивая «Лиспет» Киплинга и «Бэлу» Лермонтова, Дина приходит к выводу о том, что Киплинг был милосерднее к своей героине, нежели русский автор, потому что Киплинг «по крайней мере оставил ей выход – уйти назад, к своим» [2, с. 51]. У Бэлы, по мнению Дамиана, была безвыходная ситуация: «ей возвращаться было некуда, ее жизнь была полностью разрушена» [2, с. 51]. В этих условиях Лермонтову оставалось только «убить» свою героиню.

Но осуществить это убийство по общепринятой в мужском мире «литературно-гендерной разнарядке» Дина не дает. В ее художественном воображении воинствующая Бэла, в которой проснулся дух амазонок, рукою всех оскорбленных и униженных женщин сама убивает Печорина «Она достала из-за картины в углу давно припрятанный там тонкий клинок – отцовский подарок Печорину, и подошла к своей жертве. Жорж спал на боку, ничего не подозревая. Его тонкая, беспомощно выставленная и слегка искривленная шея почему то вызывала ассоциацию с птичьей. Рука Бэлы занеслась над ней и на секунду застыла. Зажмурив глаза, как учила бабушка Халимат, когда режешь курицу, она, наконец, нанесла удар. Жорж издал странный булькающий звук, и Бэлу обдало теплой кровью, хлеставшей из сонной артерии. Тщедушный маленький офицерик с рябым лицом и рыжими усиками не успел ничего понять, не успел даже вскрикнуть. Он только конвульсивно взмахнул руками и как-то сразу опал. А Бэла ошарашенно глядела на него, застыв голая над этим уже начинавшим остывать телом, что еще недавно приносило ей столько страданий [2, с. 81].

В приведенном отрывке все смешалось: тут и пародийное начало («как учила бабушка Халимат»), зооморфное снижение образа (режешь курицу») и элементы высокой трагедии.

Дальнейшие метаморфозы, связанные с переодеванием Бэлы в парадный мундир своего несостоявшегося мужа, с одной стороны, подключают сознание читателя к существующему в мировой и национальной культурах архетипу «девушки-кавалериста», а с другой, показывают «равновеликость» женщины и мужчины. Неспроста автор подчеркивает, что мундир «тщедушного маленького офицера» оказался в пору хрупкой тоненькой девушки-горянке.

Ассоциации, связанные с архетипическим мотивом амазонок, подчеркивают дальнейшие действия Бэлы, которая «взяла ножницы, отрезала косы одним отчаянным движением, сунула руку в печь и, достав уголек, нарисовала себе «маленькие усики» [2, с. 81].

Безудержное карнавальное мироощущение Дины заводит ее настолько далеко, что в одной из картин кисти Лермонтова в Пятигорском доме-музее поэта она явственно начинает различать «Бэлу, переодетую в Печорина» [2, с. 83]. На наш взгляд, при всей второстепенности, данная картина служит кодом к пониманию художественной концепции «обновленной повести» Лермонтова, особенно если учесть, что на картине изображена «узкая дорожка, по которой идет человек» [2, с. 83]. Как все это расшифровывается с гендерной точки зрения? По нашему мнению, дамиановская Бэла, убившая Печорина, в высшем символическом смысле убила не человека. Она убила собственные психологические комплексы, свое женское закрепощенное сознание и внутренние страхи перед будущим.

По всему тексту книги красной нитью проходит тема дороги, путешествий. Описывая детские годы героини, автор пишет: «Бэла закрывала глаза и тыкала пальцем в карту и находила потом, как называется это удивительное место. Для нее все места были удивительными. Она мечтала, как уедет отсюда далеко-далеко. Она жадно слушала рассказы путешественников – тех, кто побывал хотя бы в России, в Турции, в Сирии или совершил хадж» [2, с. 77]. В финальных страницах произведения мы видим Бэлу-борца, которая «достала билет любой ценой» [2, с. 77]. Подкрепляя символический уровень повествования конкрет-

но-событийным, автор уточняет, что ее героиня, переодетая в мужчину, «тайно села в поезд на станции Кума и отправилась, куда глаза глядят, безо всякой надежды на успех» [2, с. 83].

Высшим смыслом и назначением многочисленных испытаний Бэлы является трансформация ее личности, обретение ею нового

экзистенциального статуса. Она, являющаяся воплощением современной женщины, вышла на дорогу, которая не будет легкой, но подарит полноту бытия со всеми его радостями и горестями. Выход Бэлы на дорогу – знак общечеловеческого прогресса и эмансипации личности.

Использованная литература:

1. Горлова И. И. «Люблю я Кавказ...» (Вместо предисловия) // *Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. с междунар. участ.* Краснодар: ООО «Экоинвест», 2014. Ч. 1. С. 9–14.
2. Дамиан Дина. В вашем мире я – прохожий... М.: КомКнига, 2006.
3. Зумакулова Танзиля. Избранное: Стихотворения; Поэмы. [Пер. с балк.] / Предисл. Кайсына Кулиева. М.: Худож. лит., 1983.
4. Куянцева Е. А. Бэла. Этногендерный аспект // *Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. с междунар. участ.* Краснодар: ООО «Экоинвест», 2014. Ч. 1. С. 266.
5. Шоре Э. Феминистское литературоведение на пороге XXI века. К постановке проблемы (на материале русской литературы XIX века) // *Литературоведение на пороге XXI века: Сб. ст. М.: Рандеву-АМ, 1998.*

References:

1. Gorlova I. I. «Lyublyu ya Kavkaz...» (Vместo predisloviya) («I Love the Caucasus ...» (Instead Preamble)), in *Lermontov v istoricheskoy sud'be narodov Kavkaza* (Proc. National Sci. Conf.), Krasnodar: ООО «Ekoinvest», 2014, vol. 1, pp. 9–14.
2. Damian, D., V vashem mire ya – prokhozhiy... (In Your World I Am a Passer ...) Moscow: KomKniga, 2006.
3. Zumakulova, T., Izbrannoe: Stikhotvoreniya; Poemy (Selected Works: Poems) [transl. from Balkarian language], Kuliev, K., Foreword, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983.
4. Kuyantseva, E. A., Bela. Etnogendernyy aspekt (Bela: an Ethno-Gender Aspect), in in *Lermontov v istoricheskoy sud'be narodov Kavkaza* (Proc. National Sci. Conf.), Krasnodar: ООО «Ekoinvest», 2014, vol. 1, pp. 266.
5. Cheaure, E., Feministskoe literaturovedenie na poroge XXI veka. K postanovke problemy (na materiale russkoy literatury XIX veka) (Feminist Literature on the Threshold of the 21st Century. To the Formulation of the Problem (Based on the Russian Literature of the 19th Century)), in *Literaturovedenie na poroge XXI veka*. Moscow: RandeVu-AM, 1998.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Хараева, Л. Ф. Гендерная деконструкция образа Бэлы в женской литературе Северного Кавказа [Электронный ресурс] / Л.Ф. Хараева // *Наследие веков.* – 2015. – № 2. – С. 86-90. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Kharayeva.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kharaeva, L. F., Gendernaya dekonstruktsiya obraza Bely v zhenskoy literature Severnogo Kavkaza (Gender Deconstruction of the Image of Bela in the Women's Literature of Northern Caucasus), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 86-90. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Kharayeva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

